1
Государственный ордена Ленина
БИБЛИОТЕКА
СССР
имени
В. И. ЛЕНИНА

МУРЗИЛКА

№ 12
ДЕКАБРЬ
1949

Журнал
ЦК ВЛКСМ
для школьников
младших
классов

Безбрежны просторы великой страны,
К победам идёт трудовая держава —
Уже коммунизма вершины видны.
Соратнику Ленина — Сталину — слава!

Не смолкнут прекрасные песни о нём
Ни ныне, ни в годы грядущих столетий.
От сердца ему поздравления шлём,
Родному отцу — благодарные дети!

М. СВЕТЛОВ

ИОСИФ ВИССАРИОНОВИЧ СТАЛИН

...ственная
...ена Ленина
...БЛИОТЕКА СССР
им. В. И. ЛЕНИНА

СТАЛИНСКАЯ КОНСТИТУЦИЯ

Стихи Олега Бедарева *Рис. В. Щеглова*

В нашей Отчизне,
Где разум и свет
Дружат с тобою
С младенческих лет,
Нежной заботою
Ты окружён,
Счастье твоё
Охраняет Закон.
Закон,
Что тебя
Согревает, любя,
В школьную дверь
Провожает тебя,
Светлые в жизнь
Открывает пути.

Вырастешь —
Вольною птицей лети.
Хочешь —
Сажай по пустыням леса,
Выберешь путь —
Изучай небеса,
Землю исследуй,
Отправься в поход,
Строить машины
Иди на завод.
Ясен твой разум,
Тебе незнаком
Хищного доллара
Чёрный закон.
Закон,
При котором
Буржуи у власти
Думают,
Как бы людей обокрасть им,
Тех,
Что бессменно
Стоят у станка,
Тех,
У которых
В мозолях рука.

Нету им дела,
Что люди чуть живы:
Было б побольше
В кармане наживы,
Нужен богатым
Лишь золота звон.

Это разбойничий,
Страшный закон!
Закон,
При котором
Фашистов орда
Честного негра
Казнит без суда
Только за то,
Что на них
Не похожий,
Только за то,
Что он негр,
Чернокожий.

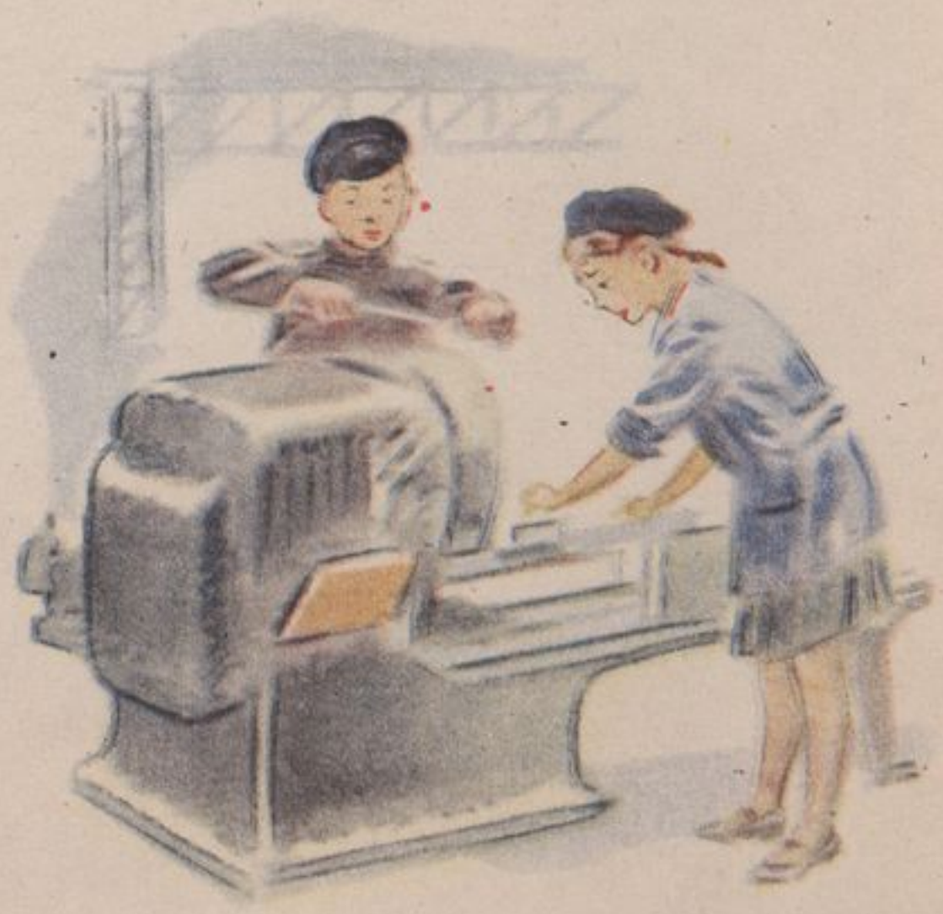
Их не пугает
Невинного стон.

Это жестокий,
Звериный закон.

В нашей Отчизне
Закон не таков:
Нет в ней буржуев
И нет бедняков.

Тот, кто богатства страны
Создаёт:
Сеет пшеницу,
Железо куёт,
Уголь и нефть
Из земли достаёт,
Строит заводы,
Дома,
Корабли, —
Тот и хозяин
Советской земли.
Наши законы,
Как ясные дни,
Мудрою правдой
Сияют они.
Людям права
Золотые дают:
Право на отдых
И право на труд.
Граждане нашей
Великой страны
Все по Закону,
Как братья, равны.

В нашем «Артеке»
Сидят у костра
Брат белорус
И грузинка сестра.
Дружной семьёю
Садятся за стол
Хант и таджик,
Армянин и монгол.
Мы и представить
Такого не можем:
Бить человека
За чёрную кожу!



Финн и афганец,
Француз и хорват,
Если он честен,
Он друг нам и брат.
Это великий
Советский Закон:
Мудрость и правда
Заложены в нём.

Льёт он на землю
И радость и свет,
Нет ни границ,
Ни преград ему нет.
Солнцем великим
Он в небе парит,
Людям звездой
Путеводной горит —
Тем,
Что встают
Против чёрной судьбы,
Знамя подняв
Для священной борьбы.

Знают Закон наш
И в сердце хранят
Старый индус
И вьетнамский солдат,
Знает испанец
И грек-партизан,
Знает народ
Угнетаемых стран.

Это великий
Советский Закон:
Мудрость и правда
Заложены в нём.
Этот закон
Благодарный народ
Именем Сталина
Гордо зовёт:
СТАЛИНСКАЯ
КОНСТИТУЦИЯ.

А. НЕКРАСОВ *Рис. Ю. КОРОВИНА*

ПИСЬМО

Утром ветер с моря, холодный и влажный, налетел, засвистел, закружился по городу, и с тех пор дул и дул, с каждым часом прибывая в силе.

Когда Павлик шёл из школы, на сигнальной мачте в порту уже подняли штормовые огни. Женщины тревожно поглядывали на них, вздыхали и подолгу смотрели на север, туда, где за высокими горами бушевал в темноте огромный океан.

Но то были женщины. А Павлик Казаринов был мужчиной. Он целое лето проплавал с папой на рыболовном тральщике. Он своими глазами не раз видел бури, и понимал, что в море хотя и не сладко в такую погоду, но вздыхать о моряках нечего.

Так Павлик и сказал маме, когда она украдкой вздохнула, взглянув на барометр. Мама посмотрела на Павлика, улыбнулась, а вечером, уходя в порт на дежурство, сказала:

— Ты вот что, герой: ложись-ка ты нынче пораньше спать.

Потом зашёл сосед по квартире, дядя Володя. Он был в новой форме, со всеми орденами на груди, с золотыми нашивками на рукавах. Он посидел с Павликом, расспросил про школьные дела и сказал, что надолго, может быть до утра, уходит на важное совещание. Потом он надел фуражку, застегнул шинель, вышел на крыльцо, и ветер с силой захлопнул за ним дверь.

Над городом лежала бурная полярная ночь. На кухне слышно было, как завывает в трубе. Павлик один остался во всей квартире. Но он ничуть не боялся. Он погасил свет во всех комнатах, оставил только лампу на столе и стал делать уроки. Потом он собрал ранец на завтра, наточил коньки, потом согрел чаю на плитке, поужинал и сел на диван почитать. Сел и сам не заметил, как свернулся калачиком и заснул крепким сном.

Когда он проснулся, часы показывали без четверти три. Во всём доме стояла

непривычная тишина. Спать совсем не хотелось. Павлик встал, выпил холодного чаю с вареньем и придвинул стул к приёмнику. Но ничего интересного в эфире он не нашёл. Из Москвы диктовали какие-то цифры, Ленинград совсем молчал. Незнакомая станция чуть слышно передавала

музыку. И только радиомаяк, как всегда, упрямо и настойчиво выкрикивал свои позывные, помогая кораблям выбирать верные дороги в эту тёмную, бурную ночь.

Но тут вдруг ярко вспыхнул зелёный глазок на приёмнике, и на всю комнату застучали точки и тире. Потом стук прекратился так же внезапно, и дядя Володя, — Павлик сразу узнал его по голосу, — громко, точно над самым ухом, сказал:

— Алло, алло! Доброй ночи, товарищи матросы и кочегары, штурманы, механики и капитаны. Продолжаем собрание экипажей кораблей, находящихся на промысле, в море. На повестке дня у нас прежний вопрос: обсуждение письма товарищу Сталину. Слово предоставляю капитану Казаринову. Слушаем вас, товарищ Казаринов, слушаем вас... Перехожу на приём.

Зелёный глазок погас, опять всё замолчало, только изредка, точно капли, упавшие на горячую плиту, шипели разряды. Павлику бесконечным показалось это молчание. Но вот глазок опять вспыхнул, и густым баском, точно туда залетела оса, в приёмнике загудело: ту-туу-ту, ту-туу-ту, ту-ту-ту...

Потом кто-то кашлянул и медленно, с расстановкой сказал:

— Алло... алло!

И хотя голос был не очень похож, Павлик узнал его и замер, боясь пропустить хоть одно папино слово.

— Алло, алло! — повторил папа. — Так вот, мы на своём корабле обсудили этот вопрос и решили так. У нас есть все возможности увеличить добычу рыбы и улучшить качество нашей работы... И мы обещаем товарищу Сталину и просим записать наши обязательства: во-первых, строго экономить время и за счёт сбережённых минут и секунд добыть рыбы в полтора раза больше, чем в прошлом году; во-вторых, всю добытую рыбу сдавать высокими сортами только на оценку «хорошо» и «отлично»; в-третьих, помогать советом и опытом тем кораблям, которые ещё не выполняют задания. Вот так мы решили. У меня всё, товарищи. Я кончил. Перехожу на приём...

Опять зашипели разряды, а Павлик вдруг с удивительной ясностью представил себе безбрежное бушующее море, далёкие огоньки кораблей и папу в тёплом широком бушлате, в коричневой кожаной шапке-ушанке... Вот он вышел на мостик и стоит на ветру, широко расставив ноги.

Кругом белыми тучами носятся чайки. Они взлетают высоко, выше мачт, и оттуда стремительно падают в море. А море колышется и шумит. Корабль вздымается на белых гребнях, гулко ухает и содрогается, с размаху проваливаясь в пропасть между волнами. Горы зелёной воды лениво, будто нехотя, взбираются на борт и вдруг, разбившись на тысячи капелек, солёным дождём обдают матросов на палубе.

А матросы будто и не замечают ни дождя, ни качки, ни бури. Быстро-быстро мель-

кают в их руках острые ножи, и огромные рыбины, обезглавленные и распластанные, скользят по широкому жолобу и пропадают в глубоком трюме корабля.

Чуть слышно где-то внизу постукивает машина. Днём и ночью, сменяя друг друга, трудятся на корабле отважные, сильные люди. И корабль послушно идёт по той дороге, которую выбрал папа из тысяч морских дорог.

А папа стоит на мостике и смотрит вперёд. Он спокойно ведёт свой корабль. Его не собьют ни штормы, ни туманы, потому что он капитан, он знает, как обойти все опасности, как пробиться сквозь бурю, и где больше рыбы, и на сколько хватит угля, и далеко ли до родного порта, и какая будет погода.

Папа всё это знает...

А Павлик? Павлик, конечно, знает ещё немного. Он только в прошлом году поступил в школу. Но он всё равно тоже будет капитаном и выйдет в море... Он найдёт такое место, где всегда есть рыба, и придумает такой корабль, чтобы ловить в любую бурю. Он наловит рыбы больше всех, даже больше папы. А тогда он прикажет радисту вызвать дядю Володю и напишет письмо товарищу Сталину. А напишет он так...

Павлик встал, достал из ранца чистую тетрадь, сел к столу и написал:

«Дорогой товарищ Сталин!»

Павлик поставил восклицательный знак и остановился. Он вдруг подумал, что можно ведь и не ждать, когда он станет капитаном. Он промокнул написанное, перевернул страничку, вычистил пёрышко и, усевшись поудобнее, старательно вывел крупными буквами:

«Дорогой товарищ Сталин!

Я живу за Полярным кругом. Мой папа капитан, и я тоже буду капитаном. Я учусь во 2-м классе «А»...»

Тут Павлик задумался. Ему очень хотелось рассказать товарищу Сталину о том, какую замечательную новую школу построили им в этом году, и о том, что у них прямо из класса виден залив, и порт, и корабли... И о том, что их учительницу, Марию Ивановну, наградили орденом Ленина, и о том, какой у них дружный класс, и про ёлку, которая будет в этом году...

Очень много хотелось ему написать про школу, но он решил, что так нехватит целой тетрадки, и написал просто:

«У нас очень хорошая новая школа. Я учусь на пятёрки и на четвёрки и обещаю Вам в этом году учиться ещё лучше и помогать товарищам, у которых плохие отметки и поведение...»

И вдруг Павлик вспомнил, как прошлой зимой катался с ребятами на льдинах в заливе и чуть не утонул... Как тогда расстроилась мама, как рассердилась Мария Ивановна! Он решил было совсем не писать об этом. Но всё-таки написал:

«В прошлом году у меня была одна двойка по поведению, но больше этого никогда не будет, и на залив мы одни не ходим, а ходим на каток. Это нам построили комсомольцы из рыбного порта...»

Тут он вспомнил каток, залитый огнями, и лыжную горку с трамплином, и как они всем классом катались на оленях, и как папин товарищ прокатил его на аэросанях... Ух, было здорово! Мотор ревел, как на самолёте, сани неслись по сверкающей целине, а на небе горели звёзды и полыхало сияние...

И тут Павлик понял, что он всё равно не сумеет в письме рассказать товарищу

Государственная ордена Ленина БИБЛИОТЕКА СССР им. В. И. ЛЕНИНА

Сталину о том, как замечательно он живёт. Ведь нужно было ещё рассказать, какой у них хороший дом, какая у него добрая и умная мама, и какой у него смелый папа, и какой красивый у папы корабль... Всё рассказать было решительно невозможно, и Павлик, подумав, написал просто:

«Дорогой товарищ Сталин! Приезжайте к нам на ёлку и посмотрите, как мы хорошо живём. Или приезжайте летом, когда у нас будет светло. Дорогой товарищ Сталин! Поздравляю Вас с Новым годом и желаю Вам здоровья и счастья».

Павлик подумал ещё, потом поставил точку и подписался:

«Казаринов Павлик, ученик 2-го класса «А».

Потом он взял у мамы на столе красивый конверт, расшил тетрадку, вынул исписанные листки, аккуратно сложил их вчетверо, уложил в конверт и надписал адрес:

«Москва, Кремль. Товарищу Сталину».

Он хотел поставить точку, но подумал и дописал внизу: «Иосифу Виссарионовичу».

В это время щёлкнул наружный замок. Павлик прислушался.

Дядя Володя, прикрыв входную дверь, осторожно ступая, шёл к своей комнате. Но тут он заметил свет у Павлика.

— Эге! — строго сказал он, приоткрыв дверь. — Что это за новости? Люди добрые спят давно...

— А вы разве не добрый человек? — перебил Павлик, и дядя Володя улыбнулся. Он снял фуражку, расстегнул шинель и весело посмотрел на Павлика.

— Большое дело мы нынче сделали... Эх, Павел, большое дело, — сказал дядя Володя. Он хотел ещё что-то сказать, но тут взгляд его упал на конверт.

— Вот оно что! Это что же, секретно? — спросил он.

— Нет, почему же, пожалуйста, — сказал Павлик и почему-то покраснел. — Вот, прочтите...

Дядя Володя прочитал письмо, прочитал ещё раз, подумал.

— Ну что же, хорошее письмо... — сказал он, наконец, и снова задумался. — Хорошее письмо, — повторил он, — только, знаешь, я бы на твоём месте не стал его посылать.

— А почему? — удивился Павлик.

— А вот почему: о том, что школа у вас хорошая, — это товарищ Сталин знает, ему обо всех новых школах докладывают. Что ты учишься хорошо — тоже знает, ведь это твой святой долг — хорошо учиться. Что мы здесь живём хорошо — это уж непременно знает товарищ Сталин, и не только знает, а сам больше всех заботится, чтобы мы хорошо жили. Насчёт твоего приглашения могу сказать только, что товарищ Сталин здесь бывал, а о том, что живёт за Полярным кругом второклассник Павлик Казаринов, — об этом можно и не сообщать пока. Вот когда ты вырастешь, закончишь учёбу, совершишь подвиг или будешь готов к подвигу, ну, скажем, как наши рыбаки, как твой отец, например, — вот тогда другое дело... А это письмо я бы на твоём месте сохранил и почаще бы в него заглядывал. Раз уж написал — значит, держись, выполняй слово... Вот так, по-моему, а там как знаешь...

Дядя Володя спрятал письмо в конверт и протянул Павлику.

— Вот так, по-моему, — повторил он и

взял фуражку. — Ну, а теперь марш в кровать, и никаких разговоров. Ясно?

— Ясно, — сказал Павлик. — Спокойной ночи, дядя Володя.

Минуту спустя он разобрал постель, погасил свет, но прежде чем лечь, приподнял занавеску и глянул в окно.

Внизу, на заливе, вспыхивали разноцветными звёздочками маячки-мигалки. Окутанные клубами пара, в голубом свете прожекторов трудились четыре огромных крана.

На стройке нового холодильника высоко в небе вспыхивали жаркие молнии электросварки, и жёлтые искры, словно тяжёлые зёрна, пригоршнями сыпались вниз, отражаясь в чёрной воде.

А ещё выше, над зданием рыбозавода, в тёмном небе, начерченный красной огненной линией, светился силуэт товарища Сталина. Павлик посмотрел туда, и ему показалось, что товарищ Сталин, как капитан огромного корабля, спокойно и внимательно смотрит оттуда, с высоты, на залив, на вечный салют огней ночного порта, на город, уснувший после трудового дня у склона заснеженной горы, и на корабли, идущие с моря.

НАША ДОЧЬ

РАШИД НИГМАТИ

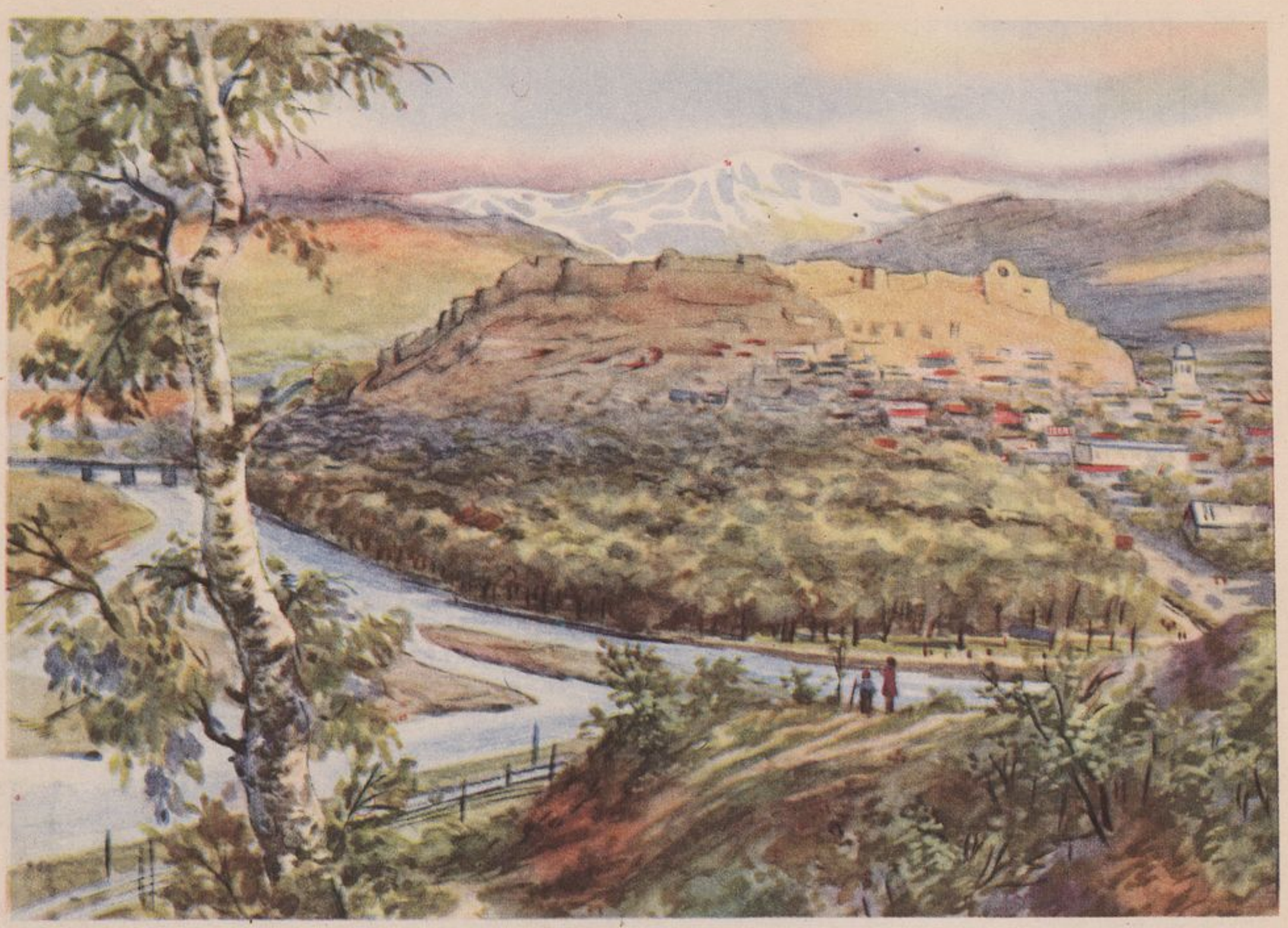
Сначала гул неясный рос.
Зал зашумел,
все с места встали.
И девочка с букетом роз
Прошла к президиуму.

Сталин
Из тонких пальцев взял букет.
И в зал ворвался запах лета,
Как будто хлынул ясный свет
От девочки
и от букета.

Он что-то девочке сказал,
С букетом роз
поставил рядом.
Притих
тысячеглазый зал,
Заворожённый детским взглядом.

Она смотрела со стола
И улыбалась вместе с нами.
Она как свет страны была,
И все
тянулись к ней сердцами.

Перевёл М. Дудин



ИОСИФ НОНЕШВИЛИ *Рис. Н. СОКОЛОВА*

КОЛЫБЕЛЬ ВОЖДЯ

У крепостной стены в горах
Стоит старинный дом.
Холмы горийские в цветах —
В наряде голубом.

В поросшем розами дворе
Росы рассветный след.
Из окон дома на заре
Рванулся яркий свет.

Теперь здесь тишина строга,
И детство далеко,
Но колыбель у очага
Качается легко.

О дом, родивший солнце! Дом,
Встречающий гостей,
Ты гордо погляди кругом —
Ты крепче крепостей.

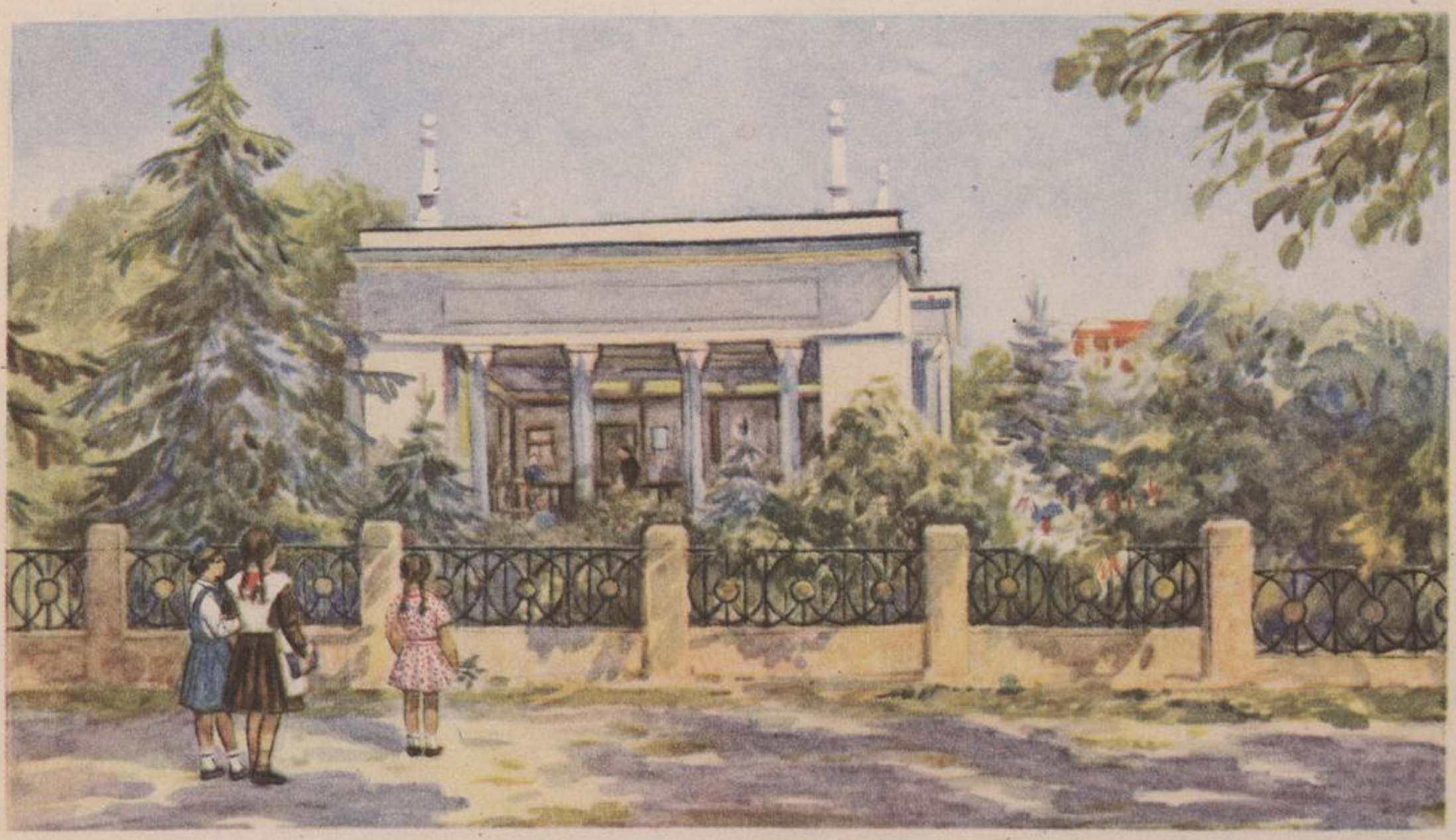
Есть в Картли разные дома
И замки над водой,
Но в этом очаге — сама
Судьба страны родной.

Когда была война, сюда
Пытался враг пройти,
Но встала горная гряда
На вражеском пути.

Закрыли юноши проход,
Легли у всех дорог.
И колыбель вождя народ
От недругов сберёг.

И нет войны. И песнь звучит,
И хлеб стоит в полях,
И небо звёздное висит,
Как полог на ветвях.

Цветы покрыли берега —
В горах метёт метель.
...И кажется — у очага
Качнулась колыбель.



В. ЛЕБЕДЕВ *Рис. П. ГОЛУБЯ*

МИЧУРИН ДАРИТ СВОЙ САД НАРОДУ

В октябре 1917 года под руководством Ленина и Сталина трудящиеся России совершили Октябрьскую революцию, и в нашей стране установился советский строй.

Но у революции было немало врагов, и они изо всех сил старались вернуть старое.

Шла борьба нового со старым и в городе Козлове, где жил Мичурин.

Иван Владимирович решительно и твёрдо стал на сторону нового, советского строя.

...Был ветреный зимний день. Метель бушевала над дорогой, что вела от мичуринского сада к городу, к зданию Городского совета.

Мичурина сбивал с ног ветер, глаза застилали снежные хлопья, но он, опираясь на палочку, шёл по заметённой сугробами дороге.

Когда он пришёл в Городской совет и отыскал комнату президиума, там шло заседание. Часовой-красногвардеец, узнав Мичурина, беспрепятственно пропустил его в кабинет председателя.

Отряхнув с себя снежную пыль, Мичурин вошёл. Участники заседания, члены большевистского Городского совета, устремили на него взгляды.

— Я пришёл с вами поговорить, — сказал Иван Владимирович председателю.

Председатель с уважением подвинул Ивану Владимировичу стул и пригласил его сесть.

— Рады вас видеть, товарищ Мичурин, — сказал он. — Скажите, чем мы можем быть вам полезны.

— А я как раз шёл к вам узнать, считаете ли вы меня полезным для советской власти, — сказал Мичурин. — Вы, вероятно, знаете, что у меня есть сад, который я на протяжении многих лет создавал для родного народа. Царская власть меня не любила и не жаловала. Не любил и я её... Но ваша, новая, советская, власть есть власть народная, власть трудящихся. Вот я и пришёл сказать вам, что если мой сад представляет ценность для народа, то я прошу принять его, как мой подарок народу...

Участники заседания приветствовали

его слова аплодисментами, а председатель Совета подошёл к Ивану Владимировичу и сказал, пожимая ему руку:

— О вашем чудесном саде мы все очень хорошо знаем. Советская, народная власть с благодарностью принимает от вас этот замечательный дар. Мы, с своей стороны, сделаем всё необходимое, чтобы помочь вам в ваших трудах. Мы не только сохраним ваш сад в полной целости, но и поможем вам его расширить.

Это не осталось только словами. Иван Владимирович Мичурин был зачислен на советскую государственную службу. Советская власть дала великому учёному всё, что ему требовалось, чтобы продолжать и расширять свою работу. Ему были присланы хорошие помощники, и денег отпускалось столько, сколько надо.

Работами Мичурина очень интересовался Владимир Ильич Ленин. Он потребовал представить ему подробный доклад о работе и достижениях Мичурина.

А ещё через некоторое время к Мичурину приехал с личным приветом от Ленина Михаил Иванович Калинин.

Все вы, конечно, знаете, кто был Калинин. Советские люди называли его «всесоюзный староста».

О многом поговорили Калинин и Мичурин. Иван Владимирович показал Калинину все свои замечательные деревья, все сорта свои и гибриды. Рассказал и о том, как он достиг всего этого, какими способами выводил он чудесные, красивые и душистые плоды.

На прощание Михаил Иванович Калинин крепко пожал Мичурину руку и сказал:

— Я многое ожидал у вас увидеть, но то, что я увидел, превзошло все мои ожидания. Советская страна может гордиться таким гражданином!

В 1925 году Иван Владимирович Мичурин был награждён высшим в то время орденом советского государства — орденом Трудового Красного Знамени, а ещё через некоторое время — орденом Ленина, как только этот орден был учреждён.

Советское правительство всячески заботилось о том, чтобы Мичурин имел всё необходимое для расширения своей работы. Ему были отведены для его садов новые площади земли, были построены новые лаборатории, по последнему слову техники и науки. Из Москвы ему прислали несколько автомобилей.

Для того чтобы он мог передавать свои знания и опыт новым работникам, молодёжи, в городе Козлове по указанию товарища Сталина было создано высшее учебное заведение — Институт садоводства имени Мичурина.

А скоро город Козлов был переименован в город Мичуринск.

Десятки тысяч людей со всех концов Советской страны приезжали к Мичурину — посмотреть его сад и научиться у него великому делу преобразования природы.

К нему ездили и колхозники, и рабочие, и школьники-юннаты, и учителя; ездили и новички садоводства, и уже опытные, известные садоводы. Приезжали профессора и академики. И все, кто попадал в его чудесный сад, были всегда поражены и очарованы тем, что они там видели.

Близилось восьмидесятилетие Ивана Владимировича Мичурина. Шестьдесят лет он проработал на пользу родному для него русскому народу, а также и всем другим народам необъятного советского государства.

Советская страна готовилась праздновать этот двойной юбилей великого учёного.

Мичурин знал о приготовлениях к юбилею, к торжественному празднику, который готовила ему родная страна, и вот его охватило глубокое волнение.

Он понимал, что эта честь вполне им заслужена, и вместе с тем ему захотелось выразить чувство благодарности народу, полностью оценившему его труды и достижения.

Целую ночь напролёт сидел Иван Владимирович Мичурин за своим письменным столом и писал письмо в Москву, в Кремль, товарищу Сталину.

Словами, шедшими от всего сердца, начал он это письмо:

«Дорогой Иосиф Виссарионович!

Советская власть превратила маленькое, начатое мною шестьдесят лет тому назад на жалком приусадебном участке земли дело выведения новых сортов

плодово-ягодных растений и создания новых растительных организмов в огромный Всесоюзный центр промышленного плодоводства и научного растениеводства с тысячами гектаров садов, великолепными лабораториями, кабинетами, с десятками высококвалифицированных научных работников.

Советская власть и руководимая Вами партия превратили также меня из одиночки-опытника, не признанного и осмеянного официальной наукой и чиновниками царского департамента земледелия, в руководителя и организатора опытов с сотнями тысяч растений.

Коммунистическая партия и рабочий класс дали мне всё необходимое — всё, чего может желать экспериментатор для своей работы...

Советское правительство наградило меня высшей для гражданина нашей Родины наградой, переименовав город Козлов в город Мичуринск, дало мне орден Ленина, богато издало мои труды.

За всё это Вам, руководителю, дорогому вождю трудящихся масс, строящих новый мир — мир радостного труда, приношу всеми 60 годами моей работы благодарность, преданность и любовь.

Дорогой Иосиф Виссарионович! Мне уже 80 лет, но та творческая энергия, которой полны миллионы рабочих и крестьян Советского Союза, и в меня, старика, вселяет жажду жить и работать под Вашим руководством на пользу дела социалистического строительства нашего пролетарского государства.

И. Мичурин».

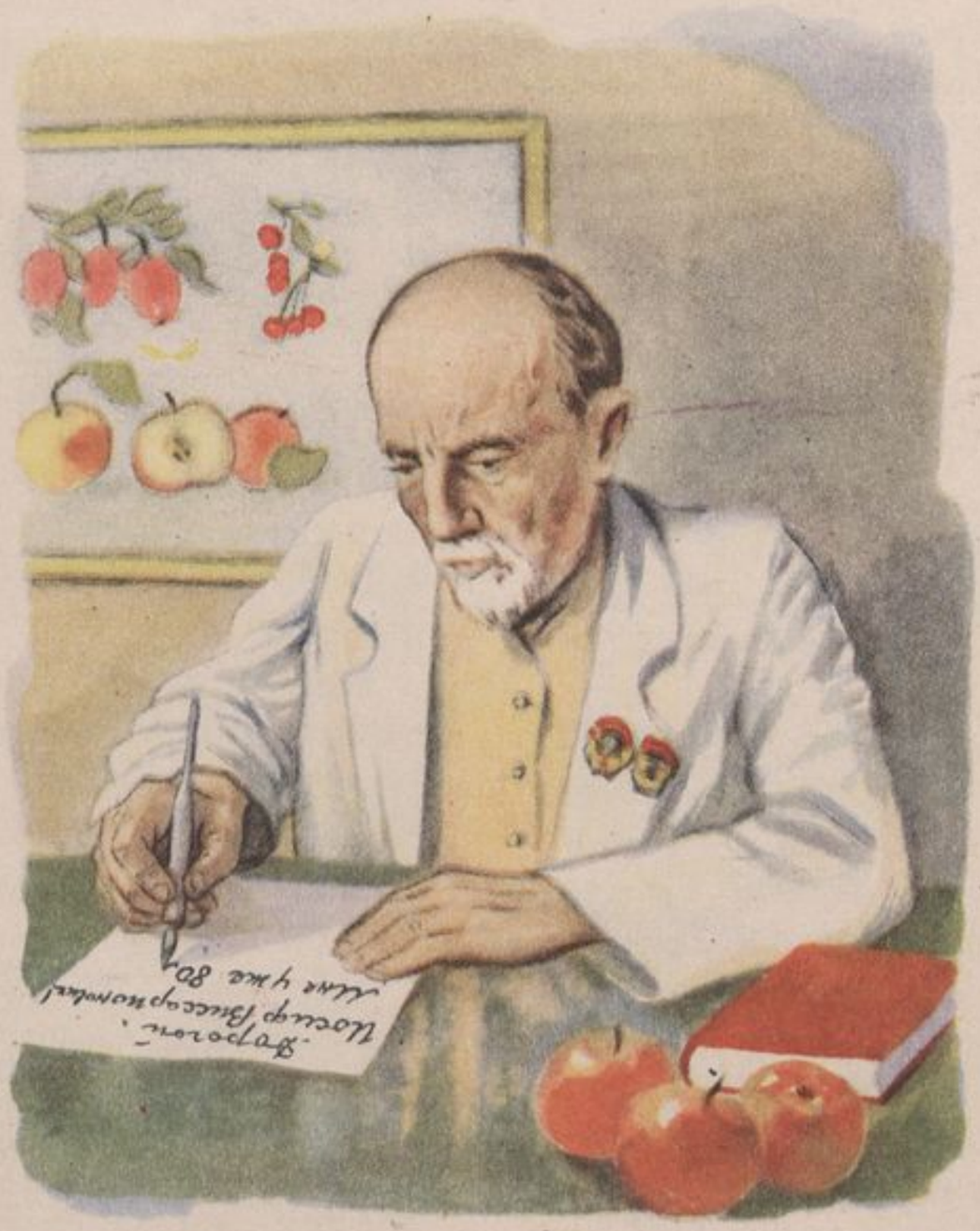
Ответ на это письмо пришёл очень быстро. Он был передан из Москвы по телеграфу:

«Товарищу Мичурину, Ивану Владимировичу.

От души приветствую Вас, Иван Владимирович, в связи с шестидесятилетием Вашей плодотворной работы на пользу нашей великой Родины.

Желаю Вам здоровья и новых успехов в деле преобразования плодоводства.

Крепко жму руку. И. Сталин».



С. МАРШАК

Рис. Г. НИКОЛЬСКОГО

ВОЛГА И ВАЗУЗА

Русская сказка

Меж болот из малого колодца
Ручеёк холодной струйкой льётся.

Неприметен этот ручеёк,
Не широк, не звонок, не глубок,
Перейдёшь его через дощечку.
А глядишь — ручей разлился в речку,
Хоть местами речку эту вброд
И цыплёнок летом перейдёт.

Но поят её ключи, потоки,
И снега, и ливни летних гроз, —
И течёт она рекой широкой,
Разливается в спокойный плёс,
Пенится под плицами колёс.

Перед нею путь большой и долгий —
Из лесного края в край степной.
И зовут её рекою Волгой —
Матушкой, кормилицей родной.

Волга — рекам родины царица.
Ни одна не может с ней сравниться.
Высятся над Волгой города.
На волнах качаются суда,
Носят много дорогого груза.

А у Волги есть сестра — Вазуза.
Вьётся Волга, а её сестра
Напрямик течёт, крута, быстра.
Меж камней бурлит она в дороге,
Сердится, катясь через пороги.

У сестёр-красавиц с давних пор
Был такой между собою спор:
Кто из них сильнее
И быстрее,
Кто из них умнее
И хитрее?

И тянулась тяжба долгий век
У сестёр — у двух соседних рек.
Ни одна не уступала в споре.
Наконец решили: «Ляжем спать,
А проснувшись, побежим опять.
Кто скорее добежит до моря,
Ту и будем старшею считать!»

Вот зима постлала им постели
Под широкой крышей ледяной.
Шубою накрыли их метели,
Белою одели пеленой.

Но Вазуза пробудилась рано
Под покровом вешнего тумана
И сестру решилась обмануть:
Собралась да и пустилась в путь.
Говорит: «Прощай, сестрица Волга,
Нежиться во сне ты будешь долго.

Я же той порой по холодку
От тебя подальше утеку.
Выберу дорожку попрямее
И до моря добежать успею!»

Пробудилась Волга в свой черёд,
Над собой взломала синий лёд,
Разлилась в полях среди простора,
Напилась холодных вешних вод
И пошла не тихо и не скоро,
Не спеша, не мешкая, вперёд.

Хоть она весной проснулась поздно
И путём извилистым текла,
Но сестру свою догнала грозно.
Гневная, к Зубцову подошла.

И Вазуза, с Волгою не споря,
Просит донести её до моря,
Ей самой, усталой, не дойти —
Не собрала силы по пути.

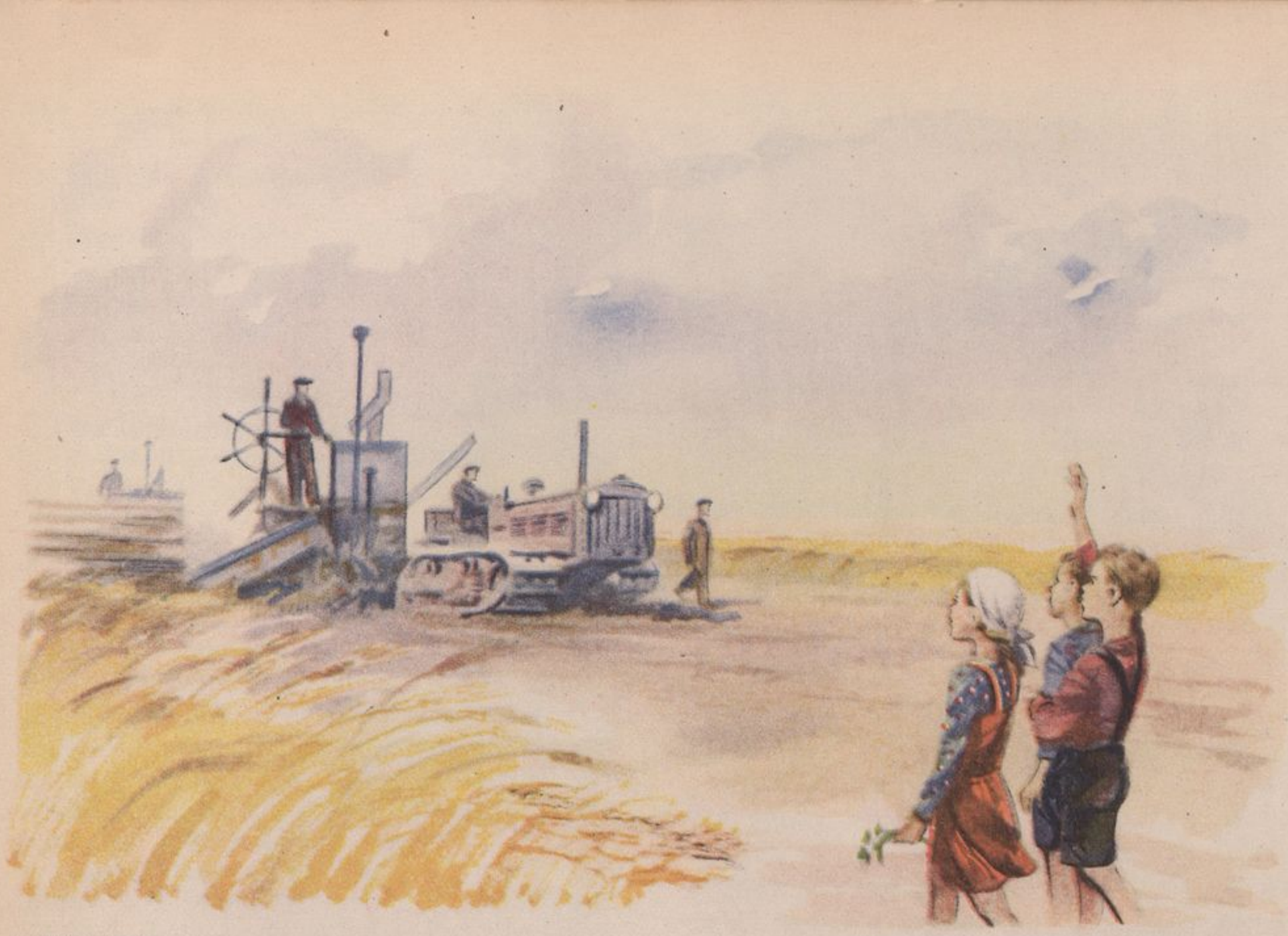
Что ж, сестра родная — не обуза!
Две реки в пути слились в одну.

С той поры шумливая Вазуза
Будит Волгу каждую весну.
— Просыпайся, старшая сестра,
Пробираться к морю нам пора!

В наше время Волга и Вазуза —
Две реки Советского Союза.

Говорит народ, что у сестёр
До сих пор между собою спор.

Спорят реки Волга и Вазуза,
Спорят с Доном, Обью и Двиной,
Кто из них подымет больше груза,
Больше рыбы даст земле родной,
Кто прогонит летом больше сплава...
Всем советским рекам — честь и
слава!



А. МУСАТОВ *Рис. А. ЩЕРБАКОВА*

В КОЛХОЗЕ „ЗАРЯ“

Сборы

Бабушка поглядела на стенные часы — и ахнула: до отхода поезда оставалось сорок минут, а Серёжина мама всё ещё не вернулась из магазина.

— Серёженька, так мы же опоздаем!..

Но мальчик только снисходительно улыбнулся:

— А метро зачем? А троллейбус? А такси?

Вскоре мама вернулась и сказала, чтобы сборы заканчивали быстрее. Бабушка взяла плетёную кошолку, а Серёжа надел на плечи тяжёлый рюкзак.

— Погоди, погоди... Чем ты его нагрузил так? — удивилась мама и заглянула в рюкзак.

И чего только там не было: книжки с картинками, жёлтый футбольный мяч, батарейки для электрического фонарика, винтики, гайки, ящик «Юный конструктор» с полным набором металлических деталей.

— Зачем тебе «Конструктор» в деревне? Ты же купаться будешь, в лес ходить...

— А как же! Ребята мне травы покажут, цветы разные, грибы, ягоды, а я что — с пустыми руками приеду? Я им всякие городские машины из «Конструктора» строить буду.

Мама покачала головой, но спорить не стала, и Новиковы отправились на вокзал.

С шестого этажа они спустились на лифте. Потом немного поспорили, как добираться до вокзала: на трамвае, или на метро с пересадкой в центре, или прямо на троллейбусе, хотя Серёжа и намекнул маме, что ради отъезда в колхоз не вредно бы прокатиться на «ЗИС-110».

Тут подошёл троллейбус, и Новиковы

сели. Но у площади случился затор, и маме пришлось срочно брать такси. Серёжа с торжествующим видом сел рядом с шофёром.

На вокзал Новиковы приехали за пятнадцать минут до отхода поезда. На прощанье мама крепко расцеловала Серёжу и сказала, что она очень рада за него. Серёжа теперь отдохнёт, загорит, а главное — забудет про свой злосчастный самокат.

— Да, уж там, в деревне, тишь, гладь, раздолье, — сказала бабушка.

Вскоре поезд загудел и тронулся.

Подарки

На другой день Серёжа с бабушкой сошли на маленьком полустанке и с попутной подводой добрались до колхоза «Заря», где жил брат Серёжиной мамы, дядя Вася.

Дядя Вася и его жена были на работе, и в доме хозяйничали их дети — крепенький, как молодой дубок, Алёша и худенькая белокурая Варя.

Приезду городских гостей брат и сестра очень обрадовались и принялись ставить самовар.

Бабушка оделила Варю и Алёшу подарками.

— А теперь ты, Серёжа, раскошеливайся!

Серёжа неторопливо развязал рюкзак, достал два новеньких электрических фонарика и вручил их Алёше и Варе.

Алёша тут же прикрепил фонарик к поясу, а девочка бережно завернула его в платок и убрала в сундучок.

— Зачем прячешь? — остановил её Серёжа. — Ты при себе держи. Пригодится! Вдруг вечером на улицу пойдём. У вас же темно!

— У нас темно?! — фыркнула Варя и, юркнув за перегородку, щёлкнула выключателем. Над столом под жестяным абажуром вспыхнула электрическая лампочка.

Серёжа покраснел и отвернулся. Но потом быстро оправился. Ну, ничего, он сейчас такое покажет, что Алёша и Варя ахнут. Мальчик достал из рюкзака «Юного конструктора» и приподнял крышку. Вид блестящих металлических планок с дырочками, угольников, колёсиков, стерженьков, винтиков поразил ребят.

— Что это? — шепнула Варя.

— «Юный конструктор»! — важно пояснил Серёжа. — Могу вам собрать любую машину. — И принялся перечислять всё, что видел в городе: лифт, трамвай, троллейбус, автобус, паровоз, самолёт, подъёмный кран, транспортёр... Одних только легковых машин Серёжа насчитал пять или шесть марок: «Москвич», «Победа», «ЗИС-110»... — Вы такие машины никогда и не видели... А я даже катался на многих. Ну вот, загадывайте, что вам собрать для начала?

— Мне «ЧТЗ», — сказал Алёша.

— Это что? — не понял Серёжа.

— Трактор такой... Гусеничный, Челябинского завода.

— А мне «Коммунар», потом «Сталинец», — попросила Варя.

— Это тоже тракторы?

— Нет, это комбайны.

Не успел озадаченный Сережа как следует разложить детали «Конструктора», как вернулся с работы дядя Вася с женой. Все сели пить чай. За чаем дядя Вася принялся расспрашивать Серёжу о Мо-

скве, о матери. Серёжа рассказывал, а сам всё поглядывал через окно на улицу. Там по дороге двигались колхозники, лошади тянули жатки, лобогрейки, везли сортировки, веялки, кухни, бочки с водой.

— Куда это поехали все? — спросил Серёжа.

— Люди в поле выходят. Завтра хлеб убирать начинаем, — сказал дядя Вася.

— Зажинки, значит! — оживилась бабушка. Она любила крестьянскую работу, хотя давно уже не жила в деревне. — Найди-ка мне серп, Вася, да поострее... Пойду завтра хлеб жать. Тряхну-ка стариной.

— Куда вам, мамаша!.. Вы уж отдыхайте.

— А то могу и на молотьбу встать, — разошлась бабушка. — Я бывало вот как ловко цепом молотила... мужику не уступлю.

— Бабушка, это как «цепом»? Цепью, значит? — спросил Серёжа.

— Да нет! — отмахнулась бабушка. — Сразу видать — городской житель. Цеп — это палка такая. А к ней ещё палка привязана, только поменьше. Да вот завтра сам увидишь.

За столом все засмеялись, а дядя Вася сказал:

— Увидишь, увидишь, какие у нас серпы да цепы имеются, — и подмигнул Алёше и Варе: — Вы ему, ребятишки, всё как есть покажите.

Серп да цеп

Рано утром Алёша и Варя повели Серёжу в поле. Густые, высокие хлеба стояли влажные от сизо-дымчатой росы. Тарахтя, проехали по дорогам жатки и лобогрейки и заняли свои места по углам делянок. Со стороны МТС послышался рокот моторов.

— Комбайн, комбайн идёт! — закричала Варя. — Самоходный дали! Новенький.

— Сама ты самоходная, — деловито перебил её Алёша. — Самый обыкновенный «Сталинец». И не один, а два. На сцепе идут. А трактор — гусеничный, «ЧТЗ».

Ребята помчались навстречу комбайнам. Окрашенные в голубоватый цвет, высоко вскинув коленчатые трубы для выгрузки зерна, они, точно корабли, величественно и неторопливо плыли в просторном пшеничном море. Рядом с машинами шагал старший комбайнер дядя Вася. Он был одет в промасленный комбинезон, точь-в-точь такой, в каком Серёжина мама работала на заводе у станка. Тянул «Сталинцы» широкогрудый маслянистый трактор «ЧТЗ». Гудела и сотрясалась земля от его богатырской поступи, и всем своим видом трактор, казалось, говорил: «А ну, попробуйте, остановите меня!»

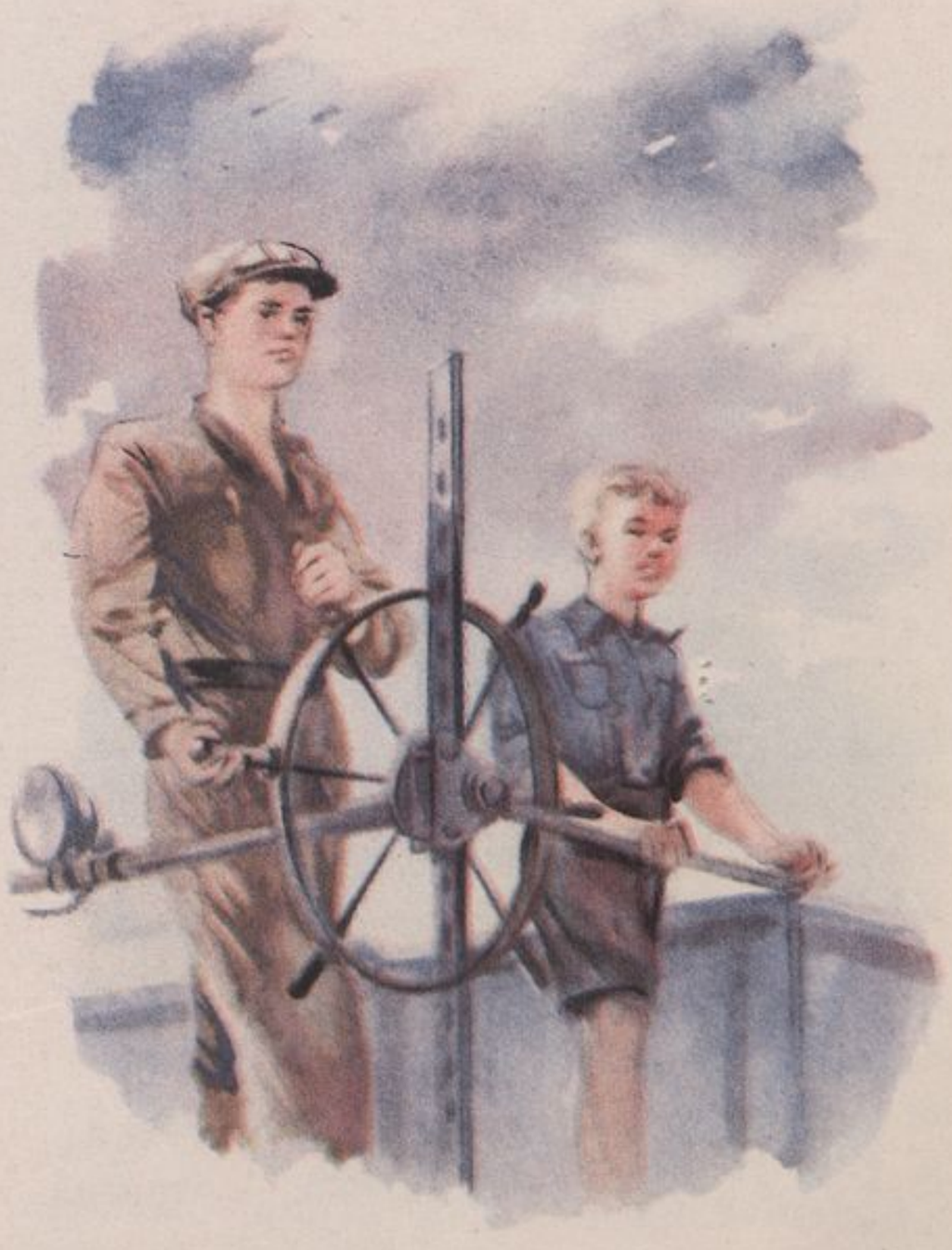
Комбайны подошли к краю делянки и остановились. Дядя Вася в последний раз проверил машины.

— Сейчас тронутся, — сказал Алёша.— Вот бы прокатиться!

Варя подошла к отцу и умоляюще посмотрела на него. Тот покачал головой:

— Всех не могу... Выбирайте кого-нибудь одного.

Варя и Алёша переглянулись. Как никак, а они уже не один раз катались на комбайне, а Серёжа, может быть, впервые его видит. И они вытолкнули мальчика вперёд. Дядя Вася помог Серёже подняться на верхнюю площадку комбайна.



Потом он махнул рукой, и машины тронулись.

Серёжа крепко вцепился в железные поручни. Неуклюжие с виду, ящики комбайнов вдруг ожили и удивительно преобразились. Пришли в движение все загадочные, неподвижные до сих пор шестерёнки, звёздочки, валики, цепи. Где-то в середине комбайна сердито взвыл стальной клыкастый барабан, нагоняя свистящий ветер. Запрыгали, затряслись большие и маленькие решёта. Зубчатый стальной нож подрезал стебли пшеницы, и движущееся полотно потащило их внутрь машины к барабану.

Прошли секунды, и от высоких с крупным колосом стеблей пшеницы не осталось и следа — всё было обмолочено, очищено. Из коленчатой трубы в железный ящик янтарной струёй потекло зерно.

Сделав первый круг, комбайны остановились, и дядя Вася свёл Серёжу с площадки.

— Теперь понял, какими мы серпами да цепами хлеб убираем? — спросил он.

— Понял, дядя Вася.

Дождь

От комбайнов ребята побежали к полевому току, где высились золотые курганы пшеницы. Колхозники просушивали зерно на солнце, потом пропускали его через сортировки и насыпали в мешки.

Фыркая, подходили грузовые машины, забирали тяжёлые мешки и увозили их на элеватор.

На попутной машине ребята добрались до колхоза.

Варя позвала их на огород. Там работала бригадиром её мама, и девочка обещала угостить мальчиков морковью, огурцами и горохом.

И правда, морковь оказалась очень сладкой и вкусной.

— Мамкин сорт... Сама вырастила, — похвалилась Варя.

Солнце припекало всё сильнее.

— Покупаться бы! — сказал Серёжа.

— Речка у нас далеко, — ответил Алёша.

— Ну, может, пруд какой есть, — настаивал Серёжа.

Тут Варя почему-то переглянулась с Алёшей и вдруг побежала к матери. А минут через пять вернулась и говорит:

— Я всё узнала.. Сейчас дождь пойдёт.

Серёжа посмотрел на небо, а там ни тучки, ни облачка. Он даже обиделся.

— Что я, глупенький?.. Не понимаю, когда дождь бывает?

— Ну правда же! — засмеялась Варя. — Такой дождище польёт, до нитки промокнешь. Раздевайся скорее! — И сама быстро скинула платье. Разделся и Алёша. А Серёжа нахмурился и остался, в чём был.

И вдруг полил дождь. Только не сверху, а снизу. Серёжа так и шарахнулся в сторону. Что за чудо? А Варя с Алёшей прыгали в трусиках под холодными струями, фыркали, визжали.

— Раздевайся же, Серёжа!

Мальчик махнул рукой и бросился к ребятам. Дождь шёл минут пятнадцать и хорошо полил грядки с овощами. Только когда он прекратился, Серёжа заметил между грядок железные трубы с дырочками. Из этих дырочек и били струйки воды.

— Это у вас водопровод? — догадался Серёжа.

— Не водопровод, а дождевальная установка, — поправил Алёша. — Водопровод у нас особо есть.

— А воду кто по трубам гонит? Тоже электричество?

— Понятно! Электричество у нас много чего делает. И воду из артезианского колодца подаёт, и муку на мельнице мелет, и коров доит на ферме...

Пристыженный Серёжа молчал. А он-то думал похвалиться в колхозе, удивить ребят всякими городскими чудесами!

— Серёжа, — сказала Варя, — пойдём домой. Пообедаем, а потом будем машины строить.

— Чего их строить! — махнул рукой Серёжа. — Вам теперь это неинтересно...

— Нет, нет, обязательно будем... и городские и деревенские...

Рис. А. РОМОДАНОВСКОЙ

Здесь нарисован стальной остов жилого дома на Смоленской площади. Сейчас рабочие-верхолазы уже поставили на место последние балки и прочно скрепили их железными швами электросварки. На 120 метров поднялось над Москвой невиданное 27-этажное сооружение.

Раньше большие дома строили десятилетиями.

Сейчас за год-два вырастают дома-великаны. Это потому, что наш свободный народ работает так, как научил нас товарищ Сталин: по плану и лучше всех в мире.

Это потому, что наша могучая родина так же не похожа на старую, царскую Россию, как не похож этот новый дом на старенькие домики, доживающие свой век на улицах столицы.

12032

Рис. В. ЩЕГЛОВА

Портрет И. В. Сталина работы художника В. Сурьянинова. Рисунок на обложке — Н. Жукова.

Редколлегия: А. БАРТО, О. БЕДАРЕВ (редактор), А. ЕРМОЛАЕВ, Л. ИЛЬИНА, В. ЛЕБЕДЕВ, С. МАРШАК, С. МИХАЛКОВ, Л. ПАНТЕЛЕЕВ.

Рукописи не возвращаются Техн. редактор А. Губер

Год издания двадцать шестой **Цена 1 руб.** Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

Адрес редакции: Москва, Сущёвская ул., 21. Тел. Д 3-20-90, доб. 1-06. Подписано к печати 4/XI 1949 г. А14211 Объём 3 печ. л. 2,8 уч.-изд. л. 33 000 зн. в печ. л. Тираж 124 500 экз. Заказ 1954.

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия», Москва, Сущёвская, 21.